

НА ПУТИ К ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.Н. ФЕДОТОВА

Идентичность оказалась включенной в динамику нелинейного развития и воспринимающей фактор нелинейности в своих собственных изменениях.

Раскрытие этого обстоятельства — предпосылка применения понятия идентичности как инструмента анализа многих проблем.

«Социологические поколения» конца XX — начала XXI вв. в изучении идентичности

Идентичность присуща всем обществам, но проблема идентичности рождается тогда, когда происходит разрушение традиционной социальной структуры и осуществляются процессы модернизации. Американский исследователь Р. Баумайстер выделил пять этапов исторического существования идентичности: предписание (первобытный род); единичная трансформация (раннее Средневековье); идентичность, характеризующаяся иерархией критериев (позднее Средневековье); необязательный выбор (XVIII в.); необходимый выбор (современность)¹.

Важно понять, как изменения идентичности сказываются на изменении исследовательских возможностей социологии — вопрос, который фактически не изучен. Выделим «социологические поколения» понимания идентичности, эволюция которых шла с 1970 гг. — с начавшегося кризиса модерна и по настоящее время.

Речь идет не столько о хронологическом, сколько об аналитическом способе разделения социологов по поколениям, по-разному трактующим идентичность. Такая методология возникла, поскольку некоторые из рассматриваемых социологов меняли позиции на разных этапах своего творчества и оказывались в «другом» поколении, причем не всегда в хронологическом смысле.

К первому из выделяемых нами поколений, признающему идентичности как формы социокультурной стабильности, зависящие преимущественно от социальных структур, относится большинство исследователей, рассматривавших социальный процесс как детерминированный, предсказуемый, имеющий линейную динамику. Среди них известный социальный теоретик Ю. Хабермас и социолог и политолог С. Хантингтон. В рамках этого направления Ю. Хабермас говорил о «бессилии перед объективностью» и о том, что «кризисы возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели это необходимо для сохранения системы. В этом смысле кризисы являются постоянными помехами системной интеграции»². Хабермас уверен, что

«кризисные процессы обязаны своей объективностью тому, что они возникают из-за нерешенных проблем управления и могут быть преодолены посредством их решения»³. Он также признает, что «общество теряет свою идентичность, как только новое поколение перестает узнавать себя в некогда конститутивной культурной традиции». Хабермас уверен, что кризисы идентичности, так же как и разрывы между поколениями, преодолимы.

С. Хантингтон – автор концепции столкновения цивилизаций, часто работавший совместно с социологом П. Бергером, воспринимает идентичность как «смысл себя»⁴. На его взгляд, идентичность (самоотождествление) будет иметь в ближайшем будущем все более определяющее значение на уровне культур, стран, цивилизаций. Это понимание связано с осознанием конфликтности мира и грядущими столкновениями цивилизаций по «линиям культурных разломов». Он также считал, что в современную эпоху культурные различия имеют более фундаментальное значение, чем различия политического и идеологического характера. Он предлагал американцам защищать свою идентичность, которая рискует стать латиноамериканской из-за ослабления политики плавильного тигля, создававшей ранее гражданскую идентичность и противостоявшей этническому распаду. Хантингтон был уверен в возможности сохранения и восстановления потерянных идентичностей.

Для второго поколения социологов, изучавших социальную идентичность, в отличие от первого поколения, характерно признание изменчивости идентичности, и вместе с тем стремление вернуть ей устойчивость, восстановить ее гармонию и ее связи с прошлым и будущим. К этому поколению принадлежат Дж. Александер, Э. Гидденс, М. Кастельс, М. Гиберно, П. Штомпка и целый ряд обратившихся к данной проблематике российских социологов, включая А.Г. Здравомыслова, Ю.А. Леваду, М.К. Горшкова, Н.Е. Тихонову. Э. Гидденс как активный сторонник теории рефлексивной модернизации исследует кризис понимания поздней современности (позднего модерна) и отмечает нарастание неопределенности в развитии социума и изменениях идентичности. В конечном итоге он вполне ощутил меняющийся, динамичный характер идентичности, проследил ее изменения в условиях социальных трансформаций. Концепции идентичности Дж. Александера и П. Штомпки, работавших вместе в проекте, направленном на анализ способов преодоления социальных травм, восстановления потерянных идентичностей и обретения новых, связаны с социальными структурами: «Элементы процесса травмы... можно считать социальными структурами»⁶. Сохраняются ли прежние структуры – это, на его взгляд, зависит не только от самих структур, но также от таких факторов, как войны, смены режима, вызванные политическими и экономическими переменами социокультурные травмы. Изменения

идентичности, таким образом, происходят из-за изменения самих структур, которые могут быть подвержены непредсказуемым словам. И все же Дж. Александер считает, что преодоление травм способствует восстановлению идентичности, хотя не обязательно прежней. Дж. Александер критиковал Э. Гидденса за то, что при анализе идентичности в его подходе к рассмотрению современности слабо учитывается культурный фактор, а современность представлена как последовательность институциональных изменений.

Третье поколение социологов, изучающих идентичность, составляют исследователи модерности и постмодерности, считающие ее изменения непрерывными и характеризующие как утопию веру в возможность достижения гармонии и стабилизации идентичностей. Это П. Бурдьё, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, с одной стороны, и перешедший из постмодернизма на сторону особого, другого модернизма — «текучей современности» З. Бауман, У. Бек и поздний Э. Гидденс. К ним относятся также российские социологи Е.Н. Данилова и В.А. Ядов. П. Бурдьё и М. Фуко рассматривают воздействие власти на идентичность с точки зрения символического влияния, способного оказать управляющее воздействие. Власть осуществляет конструирование идентичности. Это хорошо подтверждается концепциями дрейфа *идентичности и этнической процессуальности* В.А. Тишкова: «Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс — это путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности»⁷. И далее он пишет: «...этническая идентичность — это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это всегда борьба за контроль за данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы»⁸. Например, меняющийся список этносов, предлагаемый при переписи населения, модифицирует и этническую идентичность. Это конструктивистская, а не эссенциалистски-примордиалистская трактовка этносов, считающая их этничность природным фактором.

П. Бурдьё опирается на реальные практики, сочетающие старое и новое, видя в них механизм изменения идентичности. При этом в определении идентичности он ориентирован преимущественно не на тождества, как это иногда принято, и не на тождества и различия, как это чаще всего происходит, а на дискурс различий, видя в идентичности не объединяющую силу, а силу разнообразия, изменения.

«Археолог знания» М. Фуко произвел «раскопки» прошлого с тем, чтобы представить «генеалогию» новоевропейской рациональности. Для него характерна тема «смерти субъекта», вытекающая из разрушения традиционных оснований идентичности в современности.

М. Фуко утверждает, что идентичность обладает множественностью, в ней пересекаются системы многочисленных элементов, в каждой из которых можно найти забытую и всегда готовую возродиться идентичность, состоящую из множества различных элементов, не поддающихся синтезу. В идентичности присутствует непрерывное становление и изменение⁹.

Э. Гидденс оказался в конечном итоге отнесенным к третьему «поколению» исследователей идентичности, поскольку в более поздних работах пришел к выводу, что современность обладает «сокрушительной силой изменения», в том числе и изменения идентичности на всем протяжении ее существования. Пожалуй, Гидденс впервые ясно выразил ощущение непрерывного изменения идентичности, неподвластного человеку. С ним согласен и У. Бек: «В... дезинтеграции идентичности, личности и реальности, наручники и кандалы, в которые люди поместили себя по велению внешних сил, взрываются»¹⁰. Под влиянием Гидденса развивались идеи рефлексивной современности, выдвинутые им совместно с У. Бекком и С. Лэшем. Они состоят в том, что модернизационные изменения и проекты модернизации в новых условиях должны подвергаться непрерывной критической рефлексии. Просвещенческое доверие к научному разуму, рассмотрение его как прозрачно отражающего мир не может более существовать в связи с серьезными угрозами, исходящими со стороны науки и техники. «Науки более не в состоянии удерживать свою исконную позицию *«сокрушителя табу»*, они вынуждены отчасти взять на себя, — пишет Бек — еще и противоположную роль *«конструктора табу»*»¹¹. Иными словами, наука делает многое для изменений в обществе, но при этом она ломает нормы и идентичности без адекватной рефлексии последствий.

З. Бауман закладывает основы процессуального понимания непрерывности идентификаций, создающих меняющуюся идентичность, не отменяя ее. Долгое время он был известен как сторонник постмодернизма. В настоящее время в своих последних работах он открыто говорит о себе как о модернисте, на позиции которого перешел ради того, чтобы, признавая текучесть и изменчивость идентичности, утвердить ее ценность и значимость. В книге «44 письма из текучего современного мира» он рассматривает примеры ценностного распада, произошедшего при абсолютизации текучести, и с помощью концепта модерна пытается признать как процессуальность идентичности, так и ограничения этого процесса сохранением ее ценности и смыслов, необходимых для решения задач позитивной политики идентичности. Как показал З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество», попытки гарантировать устойчивость идентичности сегодня являются утопическими. Причины этого — и нелинейная динамика общества, которую воспроизводит идентичность, и изме-

нение рациональности, сказывающееся на идентичности, и другие дестабилизирующие факторы.

Совершенно особое место в исследовании рассматриваемого вопроса занял П. Вагнер. Даже сегодня, несмотря на его мировую известность, мы можем назвать всего несколько российских работ, в которых позиция Вагнера исследована или послужила формированию новых концепций. П. Вагнер явился представителем нового поколения модернистов, подробно рассмотрел этапы современности, указал на кризисы каждого этапа, по-новому взглянул на постмодернизм, на его значение для продолжения нового витка модернизации, увидел неустойчивость идентичности и одновременно непреходящую ценность этого понятия.

Процессуальный характер идентичности

Социологи, считавшие, что понятие идентичности имеет смысл, если она является точно определяемой, что идентичность существует только тогда, когда она остается неизменной, либо отказались от своих позиций под влиянием очевидных трансформаций идентичности, как это произошло, например, с Э. Гидденсом, либо предпочитают не использовать это понятие из-за сомнений в его объясняющей способности в сегодняшних условиях. Более важным, чем изменения в методологии, считает П. Вагнер, является вопрос о том, почему индивидуальные или коллективные жизненные ориентации и их социальные условия были ранее названы идентичностями. По его мнению, данный подход был заимствован из философских рассуждений, но в то же самое время его смысл и охват были значительно изменены без каких-либо объяснений: «Загадка дискуссий об идентичности заключена не в результатах недавних исследований, а в принятии термина и его нынешней защите»¹². Иначе говоря, поставлен вопрос, оправдано ли, что концепция идентичности устояла, несмотря на возникновение новых представлений о нелинейной динамике социума, отображенной в изменениях и усложнениях самой идентичности.

Кроме нестабильности идентичности, есть и другой аргумент для отказа от нее, предлагаемый в концепциях, которые заменяют идентичности ролями. А. Сен считает, что определения идентичности, вызревшие в условиях, обеспечивавших ее устойчивость, сегодня не работают. Поэтому монизму идентичности он противопоставляет ее плюрализацию: «...в обычной жизни мы видим себя членами ряда групп... мы принадлежим всем им. Человек без каких бы то ни было сложностей может быть американским гражданином, карибского происхождения с африканскими корнями, христианином, либералом, женщиной, стайером, историком, школьным учителем, писателем, феминистской, гетеросексуалом, защищающим права геев и лесбиянок, театралом, активистом экологического движения,

фанатом тенниса, джазовым музыкантом... Все эти коллективные принадлежности, к каждой из которых одновременно принадлежит человек, дают специфическую идентичность. Ни одну из них нельзя расценивать как единственную идентичность»¹³. Эта точка зрения, на наш взгляд, сводит социальную идентичность к индивидуальной идентичности. Сен склонен к такому редукционизму.

Н. Элиас по вопросу о соотношении индивидуальной и социальной идентичности писал: «...старая традиция, в соответствии с которой понятия “индивид” и “общество” часто употреблялись так, словно речь идет о двух отдельно существующих предметах, неизбежно приводит к заблуждению... отдельный человек несет в себе габитус группы и, взрослея, более или менее индивидуализирует его»¹⁴. Упомянутые Сенем многообразные *включения* человека в группы характеризуются теперь чаще не ролями, а *стилями жизни*. *А стили жизни, их многообразие могут нередко быть альтернативой идентичности в условиях ее кризиса*. Тот человек, о котором Сен сообщает в вышеприведенной цитате, уже не может быть мусульманином, консерватором, гомофобом, нелюбителем театра, противником тенниса, врагом экологических движений. И эти «запреты» в большей мере говорят о его идентичности, чем эклектические фрагменты его собственного стиля жизни. Но неужели то, что человек или группа любят теннис и являются противниками экологических угроз, определяет их «смысл себя» больше, чем религия, цивилизационная, классовая или национальная принадлежность?

Соглашаясь с наличием ролевого плюрализма, с многосторонностью идентичности, невозможно принять плюрализацию идентичности по аналогии с ролевой принадлежностью. В этом случае вопрос о необходимости понятия «идентичность» в социологии еще больше обостряется. Однако власть фактов, приведшая к рассмотрению развития общества как процесса нелинейного, привела вместе с тем к пониманию, что идентичность не может сохраняться неизменной при радикальных изменениях общества. Уже на уровне «второго поколения» социологов конца XX в. было осознано изменение идентичности и предприняты попытки способствовать ее стабилизации, признанные следующим «поколением» утопическими. Все более и более социологи вынуждены указывать на важную функцию идентичности, несмотря на утопию ее фиксированности, обеспечить *процессуальное, интерактивное* развитие коллективного самопонимания, солидарности и групповой сплоченности, которые делают возможным коллективное действие не как факт, а как процесс. Это превращает идентичность, с одной стороны, в *продукт* социальной и политической активности и, с другой стороны, в основание последующих действий. С другой точки зрения, будучи результатом многих соревнующихся дискурсов, идентичность сама выражает *нестабильность и*

изменчивость нашего времени¹⁵. Критический подход к концепциям идентичности в итоге направлен на то, чтобы представить их в адекватном новым реалиям XXI в. виде.

Большинство определений идентичности российских и зарубежных исследователей характеризует ее в терминах тождества и различия, показывая, что идентичность отображает тождество с одними явлениями и отличие от других. Идентичность – это то, что отождествляет объекты друг с другом, вызывая чувство солидарности, чувство «Мы» и отличает их от других (обозначаемых как «Они»). Но в условиях турбулентных, нелинейных процессов конца XX – начала XXI вв., вызвавших повсеместное изменение идентичности и ее кризис, понятие идентичности получило свои, не противоречащие друг другу определения: как «конструирование границ социального взаимодействия» (Айзенштадт)¹⁶; как биографическую или историческую «связность, которую можно интуитивно почувствовать и проявить во взаимодействии с другими; создание постоянства во времени, приведение прошлого в соответствие с ожидаемым будущим»¹⁷ (Гидденс, Бек); как «смысл себя» (Хантингтон); как «процесс конструирования смысла на основе некоторого культурного свойства или совокупности культурных свойств, обладающих приоритетом по отношению к другим источникам смысла» (Кастельс)¹⁸; как «ответ на ключевые вопросы “Кто я?” и “Где я?”» (Гиберно)¹⁹; как «характеристика самоидентичности людей, их размышлений, предположений, верований и аффектов по вопросу о том, кто они и каково их отношение к другим и также к более широкому миру и одновременно как уникальная внутренняя реальность “Я”» (Элиот)²⁰; как пересмотр самоидентификации, вызванный социальной травмой в случае ее заживления и нарушения прежней идентичности при продолжающемся действии травмы (Александрер, Штомпка)²¹; как «непрерывность себя» (Вагнер)²²; как «набор значений, который определяет, кем является кто-то, когда он выполняет определенную роль в обществе, выступает членом определенной группы или обладает определенными характеристиками, которые идентифицируют его как уникальную личность» (Берк, Стетс)²³; как «способность нового поколения узнавать себя в некогда конститутивной культурной традиции» (Хабермас)²⁴; как проблема выбора самоидентичности и умение изменить свой выбор в новых условиях (Бек и Лэш), а также поздний Гидденс; как непрерывность идентификации, заменяющая раз и навсегда достигнутую идентичность (Бауман).

Отечественные исследователи интегрируют это многообразие определений и подчеркивают значение идентичности как ценностно-нормативного регулятива (В.В. Лапкин, И.С. Семенов и др.). Имеется смысловая и контекстуальная связь всех этих определений, состоящая в признании необходимости самоотождествления, выступаю-

шего центральным смыслом идентичности в любом из приведенных определений, а также нахождения отличия от других. Идентичность значима смысложизненными установками индивида, способностью групп иметь смысловую общность, способностью народов хранить свою культуру, и эти ее свойства еще более важны при усиливающейся нелинейности процесса развития идентичности.

Во второй половине XX в. сформировалось массовое общество. Быстрые изменения — ослабление социального государства, глобализация, миграция, активный туризм, работа за границей смешивали расы и народы, вновь усилив значимость понятия «идентичность» практически и теоретически. Однако не стабильность и целостность, а быстротечность и переменчивость стали теперь знаком эпохи, возобновившей интерес к идентичности. Согласно Д. Келлнеру, сопоставившему идентичности 1960-х и 1990-х гг., в 1960-е гг. существовали стабильные и свободно выбираемые идентичности индивидов. «В 1990-е свободный выбор становится игрой, театральной презентацией себя, в которой человек способен представить себя в вариации ролей, образов и активностей и относительно не задумывается о сдвигах, трансформациях и драматических изменениях»²⁵. Это — не единственный его выбор, но он есть. Многие исследователи все еще настаивают, что источник такой трансформации лежит в меняющейся социальности — требующей рефлексивности, ставшей нестабильной и текучей, другие же настаивают на том, что происходит индивидуализация, включающая «коррозию характера».

Проблема идентичности приобрела наибольшее значение как раз в период кризиса смыслополагания, показав себя глубинной духовной процессуальной характеристикой, выработанной человеком, группой или обществом в борьбе с распадом и дезинтегрированностью. Такому пониманию сегодня соответствует не отказ от идентичности, не замена ее ролями, а признание *процессуального характера идентичности, не сводимости ее к ролям*. Она становится процессуальным способом обретения разных, но всегда присутствующих «смыслов себя». Она говорит не только о том, кто обладает идентичностью, но и том, кем бы ее обладатели могли стать при изменении обстоятельств. Выдвигая идею процессуальной теории идентичности, *автор статьи опиралась на некоторые приведенные свидетельства процессуальности самой идентичности*. Пожалуй, совсем немногие ученые приближаются к такому пониманию. По мнению З. Баумана, «вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование *идентификации*, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены»²⁶. В этом отличие идей признания идентичности как

складывающейся в ходе непрерывного процесса идентификации от отказа от идентичности.

В чем же различие между концепциями плюрализма, фрагментации идентичности и ее процессуальной трактовки? По мнению А.В. Смирнова, «мы можем ожидать, что в рамках процессуальной картины мира отношение «целое — часть» будет выстроено в соответствии с основополагающими характеристиками процессуального варианта процедуры смыслополагания»²⁷. И не будет заменено фрагментацией стилей жизни.

А. Турен полагает, что «призыв к идентичности представляет собой прежде всего отказ от социальных ролей или, точнее, отказ от социального определения ролей, которые должно играть действующее лицо»²⁸. Он утверждает: «Призыв к идентичности становится, в противовес социальным ролям, призывом к жизни, свободе, творчеству. Наконец, государство также обращается к идентичности в противовес социальным ролям, пытается навязать идею единства, высшего по отношению ко всем особым объединениям»²⁹. «Идентичность, — считает Турен, — становится в глазах социолога не просто призывом к существованию, а также требованием некоей способности действия и изменения... Но это не может произойти целиком в рамках призыва к идентичности... Мы здесь находим самую скрытую форму значения понятия идентичности в социологической области... Идентичность не может быть противопоставлена социальному участию и выполнению социальных ролей. Еще менее возможно смешение ее с ними. В доиндустриальных обществах призыв к идентичности был призывом к общественному порядку независимо от того, была ли эта идентичность религиозной природы, национальной или даже классовой. Напротив, сегодня... сама социальная система оказывается... постоянно меняющейся и имеющей большую власть над самой собой»³⁰.

Иными словами, если прежде, в традиционном обществе, все усилия были направлены на поддержание имеющейся идентичности, то в меняющемся и особенно самоорганизующемся современном обществе возникают новые формы идентичности, вытесняющие старые или адаптирующие их. Изменения перестают быть непременным признаком конфликта, а *процессуальный характер идентичности* — ее новое обретение, полученное путем изменений. Нами вносится в изучение идентичности идея необходимости процессуальной теории идентичности. В качестве элемента этой теории мы утверждаем *нелинейную динамику идентичности, отображающую континуум, полюсами которого выступают состояние идентичности как весьма определенного процесса и состояние идентичности, близкое к разрушенному, меняющемуся и направленному к новому обретению идентичности как непрерывного процесса. Имеется смысловая и контекстуальная связь многочисленных состояний идентичности, расположенных на этом континууме, суть которой — в*

признании необходимости самоотжествления. Человек, сообщество, группа, страна находятся в своего рода процессе жизненного путешествия по континууму идентичности, на одном конце которого находятся стабильные идентичности, а на другом меняющиеся, крайне неустойчивые. Выбор осуществляется не одномоментно, а в течение всей жизни человека, сообщества, группы, страны.

Новизна нашего подхода состоит в том, что с его помощью поддерживается идея процессуального характера идентичности, обеспеченная существованием континуума, который полагает диапазон изменений идентичности, значимость исторической памяти, существования настоящего, возможность обращения в будущее. На этом континууме и происходит пожизненное непрерывное формирование идентичности как смысла себя. Оно понимается как новое процессуальное определение идентичности.

На наш взгляд, отмеченная прежде утопичность устойчивости идентичности сегодня, в неустойчивом, нелинейно меняющемся социуме не означает того, что понятие идентичности теперь не нужно, а означает противоположное — что все субъекты идентичности находятся в непрерывном процессе ее изменения, разрушения, приобретения и становления и в каждой точке своего существования нуждаются в понимании своей идентичности. В противном случае их ждет потеря самоидентичности, ценностный самораспад, потеря непрерывности биографии. Е.Н. Данилова и В.А. Ядов пишут: «Собственно кризисной идентичностью разумно считать состояние людей, не способных в силу разных причин... адаптироваться к меняющимся условиям жизни. В широком же смысле наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности. И процесс этот следует не драматизировать, а принимать как социальный факт»³¹ не только отдельному индивиду, о котором они пишут, но и всем носителям идентичности — сообществу, обществу, этносу, народу, стране. Раньше идентичность считалась достижимой, проходящей через ряд кризисов, но в итоге обретавшей определенную устойчивость до следующего кризиса. Сегодня она является процессом ее непрерывного обретения в континууме между полюсами стабильности и нестабильности и имеет процессуальный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Baumeister R. Identity. Cultural Change and Struggle for Self.* – N. Y.: Oxford University Press, 1986.

² *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. – М.: Праксис, 2010. С. 10.

³ Там же. С. 13.

⁴ См.: *Huntington S. Who are we? The Challenges to America's National Identity.* – N. Y.; L.; Toronto; Sydney: Simon & Schuster, 2004.

⁵ Там же. С. 12 – 13.

- ⁶ Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. – М.: Праксис, 2013. С. 302.
- ⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социальнокультурной антропологии. – М.: Наука, 2003. С. 120 – 123.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Можейко М.А. Смерть субъекта // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 775 – 776.
- ¹⁰ Beck U. The Reinvention of Politics. Rethinking Modernity in the Global Social Order. – Cambridge: Polity Press, 1997. P. 163.
- ¹¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 239.
- ¹² Wagner P. Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. – L.: Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2001. P. 76.
- ¹³ Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. – N. Y.; L.: W.W. Norton & Company Ltd., 2006. P. XII – XIII.
- ¹⁴ Элиас Н. Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001. С. 253 – 254.
- ¹⁵ Брубейкер П., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 75.
- ¹⁶ Eisenstadt S.N. The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordiality and Sacrality – Some Analytical and Comparative Indications // Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 1. A Collection of Essays by S.N. Eisenstadt. – Leiden: Brill, 2003. P. 76.
- ¹⁷ Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Stanford (CA): Stanford University Press, 1991. P. 54; Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. – Stanford: Stanford University Press. 1994. P. 80.
- ¹⁸ Castells M. Globalisation and Identity. A Comparative Perspective // Transfer. 2006. № 1. P. 63.
- ¹⁹ Guibernau M. The Identity of Nations. – Malden: Polity Press, 2008. P. 15.
- ²⁰ Elliott A. Introduction // Routledge Handbook of Identity Studies. – Abingdon; N. Y.: Routledge, 2011. P. XXI.
- ²¹ Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley; London: University of California Press, 2004.
- ²² Wagner P. Theorizing Modernity. P. 63.
- ²³ Burke P.J., Stets J.E. Identity Theory.– N. Y.: Oxford University Press, 2009. P. 112.
- ²⁴ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. С. 12.
- ²⁵ Цит по: Wagner P. Theorizing Modernity. P. 69.
- ²⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. С. 192.
- ²⁷ Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема / отв. ред. выпуска А.В. Смирнов. – М.: Языки славянских культур, 2010. С. 104.
- ²⁸ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. С. 98.
- ²⁹ Там же. С. 99.
- ³⁰ Там же. С. 105 – 106.
- ³¹ Данилова Е.Н., Ядов В.А. Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Материалы Всероссийского научно-методического семинара / под ред. О.А. Оберемко и Л.Н. Ожиговой. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2004. С. 13.

REFERENCES

- Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo. Moskva: Logos, 2002.
- Baumeister R. Identity. Cultural Change and Struggle for Self. N. Y.: Oxford University Press, 1986.
- Brubejker R., Kuper F. Za predelami «identichnosti». Ab Imperio. 2002. № 3.
- Danilova E.N., Jadov V.A. Neustojchivaja social'naja identichnost' stanovitsja normoj. Social'naja identichnost': sposoby konceptualizacii i izmerenija: Materialy

Vserossijskogo nauchno-metodicheskogo seminaru. Pod red. O.A. Oberemko i L.N. Ozhigovoj. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t. 2004.

Eisenstadt S.N. The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality and Sacrality – Some Analytical and Comparative Indications. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Vol. I. A Collection of Essays by S.N. Eisenstadt. Leiden: Brill. 2003.

Elias N. Obshchestvo individov. Moskva: Praksis, 2001.

Elliott A. Introduction. *Routledge Handbook of Identity Studies*. Abingdon; N. Y.: Routledge. 2011.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford (CA): Stanford University Press, 1991.

Guibernau M. The Identity of Nations. Malden: Polity Press. 2008.

Habermas Ju. Problema legitimacii pozdnego kapitalizma. Moskva: Praksis, 2010.

Huntington S. Who are we? The Challenges to America's National Identity. N. Y.; L.; Toronto; Sydney: Simon & Schuster. 2004.

Rossija i musul'manskij mir: inakovost' kak problema. otv. red. vypuska A.V. Smirnov. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010.

Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N. Y.; L.: W.W. Norton & Company Ltd., 2006.

Tishkov V.A. Rekvjem po jetnosu: Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii. Moscow: Nauka, 2003.

Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Oчерk sociologii. Moskva: Nauchnyj mir, 1998.

Wagner P. Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. London: Thousand Oaks, New Delhi: Sage. 2001.

Аннотация

Статья посвящена проблеме понимания идентичности в социологии конца XX – начала XXI вв. Выделены три «поколения социологов», по-разному трактующие идентичность. Нелинейность развития обществ приводит к нелинейной динамике идентичности. Рассмотрены процессуальная теория идентичности и идея континуума идентичности, в рамках которого реализуется процесс ее непрерывного становления для любого субъекта.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, процессуальность идентичности, континуум идентичности, нелинейность, динамика идентичности, «поколения социологов», определения идентичности.

Summary

The article is focused on understanding of identity in sociology of late XX – early XXI centuries. The author identifies three «generations of sociologists» according to different interpretations of identity. It is argued that nonlinear development of societies results in the nonlinear dynamics of identity. The theory of identity as a process and the idea of identity continuum are introduced and analyzed. The idea of identity continuum sets the limits for continuous formation and reformation of identity for each subject.

Keywords: identity, identity crisis, identity as a process, identity continuum, nonlinearity, identity dynamics, «generation of sociologists», definitions of identity.